

CONGRESSUS DECIMUS INTERNATIONALIS FENNO-UGRISTARUM
X МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ФИННО-УГРОВЕДОВ
Йошкар-Ола 15.08. – 21.08.2005

Pars VII
Literatura & Folkloristica & Ethnologia

ББК Т 521 (=660)
УДК 398 + 39 + 82.09

Редакционная коллегия: К.Н. Сануков
О.Н. Тихонов
И.С. Галкин
З.Г. Зорина
И.Г. Иванов
С.С. Сабитов

Материалы X Международного конгресса финно-угроведов: Литературоведение, фольклористика и этнология: VII часть / Мар. гос. ун-т. — Йошкар-Ола, 2008. — 518 с.

ISBN 978-5-94808-373-5

Часть VII содержит выступления по фольклористике и этнологии, литературоведению.

**ББК Т 521 (=660)
УДК 398 + 39 + 82.09**

ISBN 978-5-94808-373-5

© X Международный конгресс финно-угроведов, 2008
© ГОУВПО «Марийский государственный университет», 2008

Неосоциальный рассказ в творчестве
удмуртского писателя В. Ар-Серги

Одной из разновидностей малой прозы в удмуртской литературе современного периода следует считать неосоциальный рассказ. Обращение к темам социального взаимодействия, социальной драмы, социального конфликта, безусловно, не является для удмуртских писателей новым. Но если на этапе становления национальной литературы речь в большей степени шла о «классовом» характере общественных отношений (гражданская война, борьба с классовыми врагами, проблемы становления колхозного строя в стране и др.), то теперь основной акцент делается на изображении и анализе острых проблем современности с морально-этических, философских и социально-политических позиций. Поэтому мы обращаемся к теме «неосоциальный». В связи с этим удмуртские писатели углубили социальное и психологическое исследование личности человека, раскрывая его нравственное и социальное своеобразие. При этом особое внимание уделяется как картинам быта, общественным отношениям, так и самой личности, формированию характера и нравственных качеств человека, затрагиваются проблемы моральной ответственности за собственные поступки. Возможности для расширения и углубления социальной тематики появились в переходное для страны время. В конце 90-х годов XX в. в условиях кризиса соцреализма постсоветского времени удмуртская литература переживает период творческого обновления, испытывая все большее влияние современных, в том числе и постмодернистских идей, уже получивших ранее свое признание в мировой и отечественной культуре. В определенной степени постмодернизм можно считать реакцией на жизненные реалии конца XX века [10, с. 447; 14, с. 9]. К существенным особенностям данного направления в культуре можно отнести, в частности, множественность, сложность и неоднозначность. По своей сути, постмодернизм, при полной неясности относительно природы реальности, дает большое количество взглядов, воззрений, идей и открывает почти идеальную возможность для свободной игры интеллектуального творчества. Однако неопределенность, бессистемность, разрозненность и бессвязность, отсутствие «объемной культурной перспективы» влекут за собой последствия, которые тормозят ее развитие [15, с. 338-341].

Анализируя специфику постмодернистского направления на примере русской литературы, отечественный литературовед И.С. Скоропанова, в частности, утверждает, что жанровые рамки, прежде считавшиеся устойчивыми, классическими, препятствуют близкому и тесному взаимодействию, взаимопроникновению жанровых признаков, однако затем все более начинает нарастать тенденция «размывания» границ [15, с. 378]. В подтверждение своей мысли она приводит мнение А.Г. Битова, который, считая, что интересный рассказ может скорее появиться на стыке жанров, на границе перехода из жанра в жанр: «Края такого «нового» рассказа как бы размыты, – нет, это не сырость или неясность речи – это неограниченность жизни» [13, с. 378].

По нашему мнению, эта общая для литературного процесса тенденция не могла не отразиться и на жанровой модификации национальных литератур [10, с. 67-69]. В частности, в конце 90-х годов XX в. ее присутствие мы находим в творчестве представителей «новой волны» в удмуртской литературе [16, с.244-287]. Так, в своих исследованиях литературовед В.Л. Шибанов выделяет три аспекта, которые характерны как для постмодернизма в целом, так и для конкретного течения местного направления – этнофутуризма [16, с. 260]: «мир как хаос», полистилистика и «шизонарциссический комплекс» [16, с. 260].

В условиях формирования новых методов и направлений в отечественной литературе обращение к культурным традициям своего народа и их дальнейшему

интенсивному развитию открыло большие возможности для самораскрытия авторской индивидуальности. И удмуртские писатели «новой волны», уловив эту «духовную ситуацию времени», воплотили ее в своих произведениях.

Помимо постмодернистских идей, на дальнейшее развитие удмуртской литературы оказало большое влияние и такое направление как новый реализм или постреализм, одной из существенных черт которого, по определению литературоведов Н.Л. Лейдермана и М.Н. Липовецкого, является «поиск смысла человеческого существования внутри экзистенциального хаоса» [8, с. 25] в условиях трагической для духовного мира человека противоборства с ним.

Причины возникновения «нового реализма», по мнению исследователя русской литературы Л.Х. Насрутдиновой, можно объяснить общей трансформацией реалистической картины мира в художественном сознании XX в., основные тенденции которой «связаны прежде всего с утратой смысла, с признанием относительности не только всех и всяческих ценностей, но и самого человеческого существования, что релятивистское сознание, утверждающее себя как норму, породило общую постмодернистскую ситуацию, в которой возникло такое художественное явление, как проза «нового реализма» [3, с. 286-294]. Далее она поясняет, что «сочетание канонов традиционной художественной системы реалистического произведения с элементами постмодернизма создает богатые возможности для творческого поиска, основным направлением которого становится создание мифа о реальности, о мироустройстве, стремление раскрыть историческую и метафизическую природу изменившегося мира и новое положение в нем человека» [3, с. 286]. При этом автор статьи отмечает, что «кризисная эпоха, ситуация конца века обычно влечет за собой сужение взгляда на окружающий мир, рождая потребность более глубокого раскрытия внутреннего мира отдельного человека. <...> и что «пограничные», «межукладные», «промежуточные» люди – художественное открытие прозы «нового реализма». Важно подчеркнуть, что по мнению Л.Х. Насрутдиновой, «писатели «нового реализма» не только отражают реально существующий тип человека «социальной границы», но и моделируют необычные образы на границе жизни и смерти, что образ «пограничного человека» позволяет по-новому взглянуть на жизнь, утверждает самоценность любого, даже ничем не примечательного человека, что умение сочувствовать и любить, способность прогнать одиночество, унификации возводятся в ранг самого главного поступка в жизни. почти личного подвига, что ситуация границы – это и литературный прием, позволяющий увидеть, как в кривом зеркале, искаженные, но свои черты, что этот прием высвечивает проблемы и конфликты, не привлекавшие прежде внимания от того, что были привычными, обыденными» [3, с. 286].

Представителями «новой волны» («нового реализма», «постреализма», социально-аналитического реализма), разрабатывающими современные тенденции и идеи постмодернизма в жанровых рамках удмуртского рассказа, по праву можно считать С.В. Матвеева и, отчасти, Л.С. Нянькину. Творчество В. Ар-Серги и Р.С. Игнатьевой в большей степени тяготеет к постреализму.

Литературовед Т.И. Зайцева, анализируя современное состояние удмуртской литературы приходит к выводу, что «общим явился повышенный интерес авторов к авангардным поискам и экспериментам, что они решительно сняли в удмуртской литературе вопрос жизнеподобия произведения, т.е. вопрос содержания как соответствия внешней, видимой стороне действительности, как списывание с естества».

В рамках постмодернизма в удмуртской литературе развивается неосознанный рассказ. Усиление роли социального психологизма и авторского отношения к повествованию, на наш взгляд, наиболее отчетливо проявились в жанре малой прозы В.В. Сергеева (В. Ар-Серги), одного из ведущих писателей среди молодых поэтов и прозаиков Удмуртии, который известен как автор не только рассказов, повестей, романов, пьес, стихов, но и киносценария «Тень Алангасара». Рано начав творческий

путь, В Ар-Серги (р. 1962 г.) заявил о себе как талантливый, уверенный в своих силах молодой писатель. Отмечая несомненные успехи начинающего прозаика, литературовед А.А. Ермолаев особо подчеркивает умение автора вовремя увидеть и показать события из жизни, характеры людей, умение работать над темой, создавать образы, ярко чувствовать идею произведения, находить форму и композицию, стремление исследовать психологию человека. Он приходит к выводу, что его рассказы раскрывают боль сердца человека, боль жизни, что они разные, но в то же время однотипные [6, с. 26-27].

Как видим, уже первые опыты молодого писателя вызвали положительный отклик весьма требовательного критика. Более того, творческая репутация В. Ар-Серги получила высокую оценку и у других крупнейших деятелей удмуртской литературы: у талантливого поэта В. Романова, у Народного писателя Удмуртии С.А. Самсонова, который увидел у начинающего автора «творческое горение» [12, с. 3-5]. Получив своего рода «путевку в литературную жизнь», В. Ар-Серги плодотворно работает, его рассказы публикуются во всех периодических изданиях Удмуртии и вызывают интерес не только читателей, но и критиков и литературоведов. Можно привести в качестве примера ряд отзывов на его произведения [17, с. 105-106]. Так, в рецензии на вторую книгу «Лыдъя, лыдъя, кыкые» («Считай, считай, кукушка», 1988) В. Романов отмечал юношескую удивленность, романтическую приподнятость его первых рассказов и даже всей первой книги В.Ар-Серги, убежденно говорил о новой рукописи: «это слова не юноши, но мужа». Критик увидел психологический анализ, сочное народное слово, характерную авторскую интонацию – «вот три кита писательского мастерства, которых все увереннее «приручает» молодой удмуртский прозаик». При этом заметил, что «еще еще излишняя увлеченность метафорой, что иногда подводит чувство меры, чего-то «чуть-чуть» не хватает, что служба в рядах Советской Армии дала молодому писателю и новую тему, и повый верный глубокий взгляд на острые вопросы современности» [11]. После выхода в свет книги «Лыдъя, лыдъя, кыкые» молодой автор был поставлен в один ряд с такими известными удмуртскими писателями, как Г.Д. Красильников и Р.Г. Валишин, что, безусловно, свидетельствует о высокой оценке его творчества национальными поэтами и прозаиками.

Наряду с положительными отзывами о творчестве молодого автора появляются и критические оценки. Так, отмечая творческие достижения В. Ар-Серги в целом, литературовед В.М. Ванюшев утверждает, что у писателя «встречаются очнь слабые рассказы, особенно новеллы». Здесь речь идет о произведениях обозначенных автором как новеллы. Критик считает такое определение жанра необоснованным, с его точки зрения этот вид прозы В.Ар-Серги является своего рода необработанными записями из писательского блокнота [2, с. 48]. В определенной степени с данным мнением можно согласиться, действительно, классическая новелла в удмуртской литературе, в том числе и в творчестве В. Ар-Серги, не получила должного развития, хотя и встречаются отдельные образцы этого жанра [12]. Таким образом, начинающий писатель был окружен заботой и поддержкой как со стороны видных критиков и литературоведов, так и со стороны маститых художников слова.

Что касается жанра рассказа в раннем творчестве В. Ар-Серги, то он получает свое дальнейшее развитие и отличается не только расширением тематики, и традиционной реалистичностью, но, прежде всего, усилением психологизма, его рассказы все больше приобретают нравственно-философский смысл.

О растущей популярности прозаических произведений В. Ар-Серги свидетельствует и тот факт, что образцы его малой прозы включены в учебную программу удмуртской национальной школы [18, с. 22-25]. В этой связи представляет интерес сборник рассказов «Жыт куарас» («Вечерние голоса», 1986), в котором особо выделяется рассказ «Кристя». Особенности данного произведения, в частности, можно считать не только последовательность событий в рамках линейного времени, но и использование художественного приема параллелизма. Здесь автор сравнивает жизнь старой женщины

и птицы – ворона, разорвавшего ее грудки. Оба прожили на свете немало и повидали на своем веку горечи гораздо больше, чем радости. Через образ старой женщины писательница изображает горькую судьбу многих солдаток, чьи мужья и сыновья не вернулись с поля боя. Но потеря близких не ожесточила их сердца, способных и сейчас сострадать чужим бедам, хотя сама душа как будто застыла *«Ас дыраз секыт курадзылиз, картэс, тиосэс фронтысь возьмаса. Соос оз бертэ но – пумтэм-ыльтэм куректонэз кынмиз кытчы ке сюлэм возаз. Уэ но шуна, уг но усыы: дырын-дырын как кынтыны одэляло ук. яв.»* «В свое время тяжело страдала, ожидая с фронта мужа и сынов. Они не вернулись – безграничное горе замерзло где-то возле сердца. И не тает, и не пропадает: временами как начнет морозить»).

В. Ар-Серги проводит параллель между печальной судьбой вдовы Кристи и старого ворона, семью которого стубили люди, уничтожив его желторотых птенцов. Как и эта старая женщина, он остался в белом свете один одинешенек. Понимая боль утраты и горечь одиночества птицы, сочувствуя ей, Кристи все больше проникается уважением и жалостью к ворону, который, в свою очередь, почувствовал доверие к женщине и стал чаще наведываться к ней во двор *«Озыы Кристялэн зиез кылдиз. Куака нуналлы быдэ вуылыз, зор дырья куалае но пыралляз. Куддыр уйлы мунчо сиге но кыльылыз. Кристя сое весь судиз-люктаз, ас котжожьесэс вералляз. Табере куака Кристялэсь вань улонэз тодэ ни, дыр».* («Так Кристи приобрела друга. Ворон каждый день прилетал, во время дождя заходил в куала. Иногда на ночь оставался на чердаке бани. Кристи всегда его поила-кормила, рассказывала про свои обиды. Теперь, наверное, ворон знал все про жизнь Кристи»).

Равнодушные, черствость односельчан, эгоцентризм и жестокость соседней, отсутствие сочувствия, близость к природе, как представителя язычества, отдалили героиню от мира людей. Для Кристи близким становится не человек, а птица [5, с. 277]: женщина понимает, что ее горе может разделить только тот, кто сам пережил подобное.

Драматизм повествования усиливается тем, что автор не завершает рассказ: Кристи терпит своего последнего друга, однако по привычке продолжает ждать его прилета, и каждый день оставляет для него намоченный хлеб.

Произведение пронизано глубоким нравственно-философским смыслом, который выражается через способность персонажей сопереживать друг другу, через желание понять и принять чужую боль, как свою, и умение прощать.

В позднем творчестве писателя особо выделяется рассказ «Пашка Педор – транзит», в котором также выдержаны основные требования жанра: малый объем, ограниченное количество действующих лиц, актуальность выбранной темы и т.д. Проблемным полем здесь становится изображение внутреннего мира человека и его личностных переживаний в рамках огромного мира. Эта проблематика не раз привлекала внимание В. Ар-Серги, однако трактуется она по-разному. В ранних произведениях писателя, несмотря на глубокий трагизм жизненных ситуаций персонажа, сохраняется жизнеутверждающий пафос. Вера автора, а следовательно и читателя, в благополучное разрешение проблем, пусть нередко и иллюзорное, придавала повествованию особую тональность, создавала положительный эмоциональный фон. В них присутствовали чувство патриотизма [«Возыт» («Стыд»), «Берпум жытэ» («В последний вечер»), «Онди, мусое» («Онди, дорогой») и др.], любовь и вера в человека, в «прекрасное будущее» [«Жыт куарас» («Вечерние голоса»), «Валалозы меда меда?» («Поймут ли?»), «Ванька вуко дорын» («У Ванькиной мельницы») и др.].

Рассказ «Пашка Педор – транзит», написанный уже зрелым, признанным автором, напротив, пронизан, главным образом, безысходностью, утратой интереса к жизни, отсутствием чувственного восприятия мира.

Главный персонаж словно и не живет сам, предпочитая «плыть по течению» и не противостоять сложившимся обстоятельствам. Автор показывает, как апатия героя меняет восприятие им окружающего мира, который теряет жизненные краски: *«Нои*

Педорлэн номыр сярэнь малпаськемез уг поты. Лул-сюлэмэз ик синкабакьесаз кыскыса, со учке пуксись шундылэн берпум сиосызылэз кулэмзэс. Бездытэсь но кутонтэмэсь со сиос. Мырдэм дэмзыло на Пенезь гурезь вылын будись начар кызьеслэн мугорьессы борды, гызыса орточо вызылэсь шурлэн вогыриосыз вылти но собере ышо» («А Федору ни о чем не хочется думать. Сжавшись, он смотрит, как умирают последние лучи заходящего солнца. Блеклые и неудержимые эти лучи. Едва задевают кроны хилых деревьев, растущих на горе Пенезь, затем пропадают, скользя по волнам тихой реки»).

Реальность, воспринятая героем отстраненно и равнодушно, на самом деле имеет свою жизненную событийность: *«Кытын ке буйгасьтэм пуныос куаньгето, мотоциклес таргето... Дуине пачылме скальгеслэн ангэсьсессы мылпотытэк выремен но шуныт шокаменызы. Чыс-пыс, чыс-пыс. Тани артысь кыкысь уй тылобурдоос но куараоссэс сетизы. Жильыр-р! карыло: гульымьвесазы оимьсес позе кадь. Чирак кеськиз шыр, уйсылэн жабрес гижьыосаз шедьыса» («Где-то лают неугомонные собаки, тархятят мотоциклы... Мир наполняется звуками: коровы жуют свою жвачку и тепло дышат. Чыс-пыс, чыс-пыс. А в соседнем лесу ночные птицы подали свои голоса. Жильыр-р! звучит словно в их глотках ключи бьют. Пискнула мышка, попав, в цепкие лапы совы»).*

С одной стороны, автор изображает мир таким, каков он есть на самом деле: наполненный, живой, с другой, - мир, каким его предпочитает видеть душевно изломанный герой: остановившийся, лишенный живых красок, жестокий. Судьбу героя ломает война. Оказавшись на чужой земле, в Афганистане, он вынужден убивать других и терять своих друзей Герой, четко представлявший себе на чужбине мир, поделенный на своих и чужих, и имеющий перед собой определенную цель, в мирной жизни, на «своей земле», теряет жизненные ориентиры. «Свой мир» становится ему чужим, враждебным, холодным, в нем он не находит себе места. Вечные ценности, дающие людям гармонию, ощущение стабильности и надежды на будущее, рождающие чувство сопричастности к происходящему, охраняющие святость традиционной морали и удерживающие людей в нравственной чистоте, теперь теряют для героя свой смысл. Не в силах что-либо изменить в людях и в самом мире, он ищет выход в неудавшемся самоубийстве. Тот факт, что даже о смерти Пашка Педор думает как-то вяло, безнадежно свидетельствует о нравственной деградации личности и возрастании мастерства писателя-психолога: *«Коть зор-а, мар-а вал. Гудырьяса. Оло, выламы чайысаля но?..» («Дождь бы пошел что ли. С громом. Может быть, нас молнией бы ударило?..»).*

Важно отметить, что В. Ар-Серги как писатель конца 90-х г. XX в., несомненно, продолжает традиции старшего поколения удмуртских писателей. Как и в творчестве предшественников (К. Митрей, М.П. Петров, Г.Д.Красильников, и др.) прием описания природы сочетается или контрастирует с темой душевных переживаний героев; также прослеживается обостренность восприятия жизни персонажами в условиях переходного периода как времени тяжелых испытаний, так и временного (суточного, природного) цикла. Внимания заслуживает и использование современным писателем традиционных фольклорно-мифологических мотивов, сюжетов с привлечением богатого материала живого народного языка. Актуальность проблематики и возможность разрешения жизненно важных вопросов со стороны читательской аудитории – еще одна черта, связывающая современное творчество В. Ар-Серги и предшествующее поколение писателей.

Кроме того, важно отметить и использование писателем литературных аллюзий, реминисценций. Нетрудно найти параллели между названиями и образами героев самого автора с героями и заглавиями рассказов его предшественников. В этом проявилось влияние постмодернистской полистилистики, что придает творчеству писателя определенное идейно-художественное своеобразие. Так, например, можно увидеть явную переключку произведений В. Ар-Серги и И.Т. Дядюкова, в которых нашли

отражение кардинальные изменения общества постреволюционного (1905 г.) и постсоветского (1990-х г.) времени: фоновая характеристика переходной эпохи, которая акцентирует внимание на индивидуальность образов, сюжетные линии, характеры героев, судьбы и жизненные ситуации, семейно-бытовые проблемы, контрастность, напряженность и нарастающая конфликтность в обществе. налицо также психологизм повествования. При этом явный параллелизм не лишает рассказ В. Ар-Серги характера самобытности.

Обращаясь к творчеству классиков удмуртской литературы, писатель в современных жизненных реалиях находит сходные темы, не потерявшие своей актуальности, и предлагает увидеть повторяемость, цикличность самой жизни, а также преемственность и историческую событийность многих проблем.

Нельзя не отметить специфику всего прозаического творчества В. Ар-Серги. Начиная как прозаик-рассказчик, он проявил себя талантливым художником слова, которому интересны и доступны все жанры. Используя богатство жанровых форм прозы, он сумел сделать настоящие, художественные открытия: 1) ввел нового героя – тип маргинала, своеобразный вариант «маленького человека», униженного, оскорбленного общественными законами и сложившимися устоями [«Удалтымтэ» («Недотепа»), «Пашка Педор – транзит», «Атаезлэн чогыр бамьсыз» («Шестининые чеки отца»), «Айн момент» и др.]; 2) контрастнее противопоставил деревню городу [«Атайлэн кык кысыз» («Две руки отца»)]; 3) обновил проблему творческой личности в современном мире [«Вузантэм крезьгурьес» («Не подлежащие продаже мелодии») и др.].

Особенностью его творчества можно считать и способность впитывать и развивать все богатства, накопленные удмуртской литературой. И в этом, как уже отмечалось, можно также проследить продолжение влияния творческого наследия выдающихся удмуртских просветителей и писателей прошлого (Г. Верещагин, К. Герд, М. Коновалов, Г. Медведев и др.). Как и они, В. Ар-Серги творит в разных жанрах. По признанию самого писателя, он никогда наперед не думает, что напишет: повесть, рассказ, роман, пьесу или стихи. Более того, жанровая привязанность рассматривается им именно как ограничение творческой свободы. В этом, на наш взгляд, проявляется его внутренняя связь с современными тенденциями в литературе, постмодернизмом, который ратует за размывание границ между жанрами: «Жанровые коды имеют открытый характер» [13, с. 378]. Для писателя важна тема, идея, которая «приходит» и «сама диктует, в какой жанр выльется». И на вопрос, кем же он себя считает, В. Ар-Серги отвечает прямо: «писателем» [1].

Ар-Серги В. Я видел свет других веков... // Известия Удмуртской Республики. 1994, 19 февраля.

Ванюшев В. Кики льдыя арлыдысты // Молот, 1988, № 11.

Вестник Удмуртского университета «Филология». Ижевск, 1999, № 19.

Владыкин В. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов, Ижевск: Удмуртия, 1994. – 384 с.

Владыкин В., Розенберг Н. Этнофутуризм: Воспоминание о будущем? Приглашение к разговору об этнофутуризме вообще и удмуртском в частности // Удмуртская мифология / Под. ред. В.Е. Владыкина, Ижевск, 2003. - 196 с.

Ермолаев А.В. Сергеевлэн веросьсыз сярсы / О рассказах В. Сергеева. Ижевск, Молот, 1984, № 4.

Кривцун О.А. Эстетика: Учебник. – 2-е изд., доп. М.: Аспект Пресс, 2001.

Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950-1990-е годы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. – Т. 1: 1953-1968. М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 416 с.

Нигатуллина Ю. «Заподздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве. Инвожо, № 10.

Никифорова В. Постмодернизм в современной чувашской прозе // Инвожо, № 10. - С. 67-69,

Романов В. “Знакомьтесь: Вячеслав Сергеев: Удмуртский прозаик” //Комсомолец Удмуртия. 1986. 18 сентября.

Самсонов С. Астэ ачид вормон / Победить самого себя // Жыгт куараас = Вечерние голоса: Рассказы, новеллы. Устинов. Удмуртия, 1986.

Скоропанова И. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. СПб.: Невский простор, 2001.

Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие. - 4-е изд. - М.: Флинта: Наука, 2002.

Тарнас Р. История западного мышления. М. КРОИ-ПРЕСС, 1995.

Удмуртская литература XX века. направления и тенденции развития: Учеб. пособие / УдГУ. Ижевск, 1999.

Шкляев А. От прозы – к поэзии // Вячеслав Ар-Серги. Сквозь ошещающий огонь: Стихи / Пер. с удм. Вл. Емельянова. Ижевск: Удмуртия, 1998.

Яшина Р. И. Ар-Сергилэн "Крися" веросзъя 9-ти классын урок // Вордскем кыл, 1998. № 2.

В. РОДИОНОВ (Чебоксары)

Особенности литературогенеза народов Урало-Поволжья

Опыт многовековой истории мировой литературы показывает, что в истории человечества происходила смена нескольких типов художественного сознания. Современные теоретики исторической поэтики выделяют следующие основные стадии художественной эволюции: эпоха мифопоэтического (рефлективного) сознания, эпоха традиционалистского (нормативного) мышления и эпоха индивидуально-творческого (исторического) сознания (1. С. 4).

До индивидуально-творческого типа мышления разные народы приходили разными путями и в разное время. Эти и другие проблемы, тесно соприкасающиеся литературо-, и шире, культурогенезом народов Урало-Поволжья, скрупулезно и в культурно-философском контексте всемирной истории рассмотрены в фундаментальном труде Р.Ф. Юсуфова (2). Ученый показывает, что по ряду исторических причин (катаклизмы XIII-XIV вв., смена философских принципов социокультурной истории и возврат к неоязычеству) «творческий потенциал поволжского культурогенеза истощился в рамки Нового времени» (2. С. 256). Именно в эту эпоху осуществляется переход от «языческо-философского двоеверия» (синкретизма народной веры и монотеистической религии) к религиозному мировоззрению, от устно-поэтической образности к национальной письменности и литературе. Религиозно-философское сознание постепенно вытесняется национально-историческим мышлением, которое, в свою очередь, способствует становлению национального просветительства.

Итак, в плане мировоззрения и мироощущения выделяются следующие ступени эволюции сознания: *мифопоэтическая картина мира* (эпоха пралогического мышления), *синкретическая* (философско-языческая) *картина мира* (эпоха двоеверия, синкретизма мифа и рационализма), *религиозно-философская картина мира* (эпоха познания мира и его Логоса, движения к рационалистическому мышлению) и *национально-историческая картина мира* (эпоха утверждения как исторического, так и национального самосознания этноса).

В сознание народов Урало-Поволжья *православно-христианская картина мира* стала активно внедряться после их массовой христианизации. Этому способствовали переводы и свободные переложения духовно-религиозной литературы (катехизис, священная история, евангелие, проповеди и поучения). Одновременно с христианско-миссионерской деятельностью просветители Поволжья (В.Пудук-Григорович, Дамаскин, Е.Рожанский) «постигали достижения науки, причинно-следственную картину мира в идеях и образах Феофана Прокоповича, Ломоносова, Новикова» (2. С. 267). На практике они создавали словари и грамматики языков, формировали переводческие школы, издавали книги на языке того или иного народа. Тем самым просветители